

«РАЗ ПОШЛИ НА ДЕЛО...», или Снова о воспитательных приоритетах

Александр Мурашов,
доктор педагогических наук,
ведущий научный сотрудник ИТИП РАО

Хрипловатый разгул разухабистого тюремного шансона над страной, оцепеневшей от отчаяния и унижения. Знаменитое «Берите, сколько сможете унести» — девиз лихолетья, обличья которого подозрительно копируют контуры граненого стакана. Гении с большой дороги и наставники-апостолы нового порядка, украшенные золотыми фиксами и татуировками. Решётки на окнах нищих квартир как средство добровольно уйти в камеру, чтобы отгородиться от вакханалии бандитов, поделивших между собой страну. Надо ли ещё искать причину «криминальной ориентации» (см. статью Пятакова) молодёжи? И что могли учителя, чудом уцелевшие в школах на волне уголовного террора, возведённого в ранг единственного закона и суда, противопоставить всему этому?

Сегодня страна, полтора десятка лет «делавшая жизнь» по законам и этикету тюремной камеры, осознаёт: в беззаконии не ищут закона, за честь камеры не сражаются заключённые на чемпионатах, а тюремная параша, даже покрытая сусальным золотом и воспетая с прокуренным хрипом, так парашей и осталась. А она надоела не меньше, чем некогда «Слава КПСС!» почти на заборах. И тату-салоны уходят в прошлое. «Элита», прямо с зоны отправившаяся осваивать Куршевель и выдававшая потом свой срок за университетский диплом, благополучно перерезала сама себя или вырядилась в смокинги.

В девяностые, в те *десять лет*, которые потрясли мир, государство уничтожало само себя, отдаваясь браткам и нахваливая высокие технологии грабежа, повторяя, как

Есть завораживающее какое-то действие в этой наглости блатных, не допускающих встретить сопротивления.

А.И. Солженицын

заклинание, что троянскому коню в зубы не смотрят. Но как молодёжь 70-х, с настойчивостью блаженных твердившая о победе коммунизма, спокойно от него отказалась, так и дети 90-х, воспитанные на тюремном романтизме и приклатненных напевах, не торопятся проходить школу у тюремной параша, даже позолоченной...

Чему учить в школе? Какие качества воспитывать? Как всегда, вопросов больше, если ответы вообще брезжат светом в конце туннеля. Чему учить, ведь когда хотя бы один, дорвавшись до руля иномарки, мчит по лужам, стремится припарковаться на тротуаре, чтобы не дать пройти тому, кого только что облил грязью, — это катастрофа. И человека, и системы образования, и общества. Если водитель, скрипнувший тормозами машины, выскочивший, орёт деду, пытающемуся перейти улицу по переходу: «Куда прешь? Один

костыль уже есть, победитель!» — это катастрофа. Не научили, не воспитали? — Нет! И научили, и воспитали, но — так, чтобы бандита считал «героем», а необходимость постоянного «зарабатывания денег» не прощала самой простой человеческой мысли.

Чему учить, когда школьные добродетели никак не ведут к обеспеченной и спокойной жизни, не готовят к тому «естественному отбору», который мальчишкам и девчонкам ещё предстоит пройти, чтобы социализироваться? Чему учить, когда сам учитель по нынешним меркам — маргинал, быть похожим на которого — значит бежать от жизни, от сверкающих витрин, от супербайков, от дела — в неподъёмный ворох тетрадей и никем не востребованных мыслей? Что привлечёт подростков — хмурое от бессонных ночей лицо пожилой учительницы, сожалеющей, что в сутках только двадцать четыре часа, или гламурная дива в глянце журнальной обложки, скромно признающаяся, что она стала успешной женщиной, потому что ни разу не была в школе? — Так чему учить, чтобы нанести минимальный вред «социальному успеху» будущего человека?

Воспитывать, чтобы он, человек будущего, смог и захотел противостоять программирующим «вирусам», тотальному зомбированию, как части катастрофы, обрушившейся на всех нас, умел эти вирусы распознавать. Это во-первых. Во-вторых, понимал, что их смысл — разрушение, внедрение дебилизирующих, и даже сводящих личностное к животному «ценностей», ведущих человека и общество напрямик к самоуничтожению. В-третьих, зомбирующее заражение, вполне целенаправленное, можно купировать лишь если мы имеем представление как о нём самом, так и о способах его преодолеть. А значит, нам известен противник. Известно, что ребята из-за ТВ-программ и компьютерных игр, щедро приправленных кровавым соусом, почти в их власти. Что всё труднее выходить без оружия на поединок с теми, у кого этого оружия — целые склады и программы. Наш противник — криминал, захвативший власть там, где её отдали те, кого мы не воспитали. Ибо — не сумели. Или не захотели.

Зачастую мы оглушённо молчим либо можем лишь пробубнить подавленно: «Какая невоспи-

танность!». Между тем никакой невоспитанности нет. Те, чьи поступки мы готовы подвергать осуждению, воспитаны — были. И обучены — тоже были. Но не там и не тому, что могло бы помочь им жить за пределами агонизирующего и зомбируемого общества. А только в нём — так, как живёт, скажем, герой А. Мазина, который обрушился в бутафорски вылепленный десятый век («историческая фантастика») со всего своего почти двухметрового роста, а этим, как и тем, что «с таким характером, как у него, даже в ад без пропуска не пустят», нашему современнику предписано гордиться:

«И где ж я вчера квасил? — подумал Серёга. — Или не вчера?»... Думать было лениво. По крайней мере — без бутылки пива. А лучше — двух. Последним воспоминанием Серёги была поездка в Москву. С друзьями Вовкой и Димкой. Димка вёз в столицу какую-то текстильную лабуду на продажу, а Серёгу с Димкой взял вроде бы за компанию... Духарев сплюнул на траву, облегчил душу простым русским словом и побрел куда глаза глядят¹.

А значит, щуплые академики и очкастые профессора отдыхают, и, по замыслу «программистов», их назначение — «стоять и бояться» того же Серёгу Духарева, которого «силушкой Бог не обидел». Там, где «кулак — орудие выживания», наверное, академиком вообще не место. И профессорам тоже. Но «силушка» без них, а значит, без мобильника, без компьютера, без созданной кем-то из «очкариков» крутой тачары, да и без классных прикидов (их тоже проектировали те, для кого орудием выживания являются как раз не кулаки), — это в лучшем случае троглодит, случайно заговоривший — причём именно на таком языке, на каком его программируют «исторические фантасты» вроде процитированного. В конечном счёте, «силушкой

¹ Мазин А. Кулак как орудие выживания // Варяг. СПб., 2005. С. 6–7.

не обидели» и слона, и быка, и... А человек потому и называет себя человеком, да и вообще что-то как-то называет, — что, пройдя этап, на котором, в окружении дикой природы и в качестве её части, должен был *выжить* (да и то кулаков для этого было недостаточно), — он оказался перед необходимостью *жить*, т.е. реализовать себя и в интеллектуальной деятельности.

А в «силушке» Серёга Духарев, слишком бесхитростный, чтобы осознавать себя инструментом психопрограммирования, явно уступит той природе, из которой его вывели настолько далёкие, что уже и не осознаются в этом качестве, предки. Уступит белке в умении скакать по деревьям. Медведю — в способности реветь. Змее — в возможности ползать бесшумно и нападать стремительно. Но старательно преподносимая сегодня «модель» *человека нового*, которому впервые за десятки тысячелетий опять предложено *выживать*, а не *жить*, — модель, заполнившая рекламные постеры, телеэфир, страницы книг, — самое страшное в своей молниеносной действенности из всех мыслимых преступлений против человека, низводящее его на ту позицию, которую он в процессе эволюции покинул много тысяч лет назад. Предложено всерьёз тягаться силой с животными, считая это достойным человека. «Квасить», таскать «лабуду» с «друганами», «сплюнуть» однажды на траву — всё, на что такой зомби оказывается способным, и всё, что он может ценить как достойное человека.

Какова перспектива? — К медведям — но не в качестве охотника или натуралиста. К быкам — но не с алым шарфом тореадора. К ведуну, чтобы учиться у него понимать язык природы, а главное — качать мускулатуру. Снова и снова. Оставляя одну занятую человечеством позицию за другой. Можно ли считать такое (повторяемое многими писателями, журналистами, актёрами «Назад, к природе!») случайным? — Настолько же, насколько можно безропотно предоставить всё, что создала культура и цивилизация, в монопольное пользование «оксфордским

мальчикам», которым для жизни нужны рабочие руки и «силушка» охраны. В этой роли уже видит себя паша Влаксис, пытающийся учить того же Серегу жизни с позиций человека, знающего её, жизни, коллизии:

Короче, Сергей, живём раз, понял! И жить надо остро! С кайфом! Чтобы впереди всё горело, а сзади, то есть позади, — всё рыдало! А ты идёшь, блин, остро! В кайф! Потому что живой, бля! потому что вокруг всё дымится и кишки на проволоке, но ты не горишь, и кишки — не твои, понял! А ты живой! Ты, бля, сидишь в чужом говнище по яйца, и всё у тебя трясётся, как у психа, а ты, бля, сигаретку шмалишь — и такой кайф, понял!²

Духарев не принимает такой системы ценностей. Но и не отвергает её. Между тем быть ориентиром, целью, смыслом может каждый из собеседников.

Итак, новый цивилизационный виток — против учителя. Как против художника, вообще против всех, кто пытается размышлять, учить, исследовать. И на все вопросы — как пощечина: «*А ты в армии служил, чмо?*» Между тем необходимо преодоление высокомерного «учитель должен» на лицах родителей и на страницах методичек, в директивах чиновников, ни разу не вспомнивших, что кто-то должен и учителю, если не хочет, чтобы окончательная катастрофа, сдерживаемая его, учителя, альтруистскими стараниями, состоялась в стране. Все ещё — стране, в которой и за Пересвета, и за Кутузова сегодня только учитель. «Несостоявшийся» и «беспрайсовый».

Высокие слова — неизменный показатель отсутствия мыслей.

Оглядимся вокруг: недавнее «*Чему вас только в школе учат?*» с дворовых скамеек сменилось учительским: «*Чему мне только в школе учить?*» И это, второе,

² Мазин А. Кулак как орудие выживания // Варяг. СПб., 2005. С. 102–103.

не безобидно: учитель — в растерянности, он представлял государство и отвечал за становление человека, государством востребованного, — сегодня он никого не представляет и не знает, за кого отвечает, хоть по-прежнему кому-то «должен» и перед кем-то «обязан», как утверждают набившие оскомину методички и инструктивные эпистолы. Так чему в школе учить? — Тому, что преодолевать, и тому, как преодолевать. Пока это возможно сделать. *«Нет цели, нет надежд, нет силы?..»* — Эти слова Верхарна примеряют на себя ныне многие, и важно, чтобы на смену *потерянному* поколению не пришло *отчаявшееся*. Нельзя допустить у ребят отчаяния. Не время спрашивать, кто виноват, но нужно решить, что делать. Сегодня. Сейчас.

О подростковой резистентности говорили всегда. Но сейчас, напичканные рекламными слоганами о необходимости быть «в команде», быть «самим собой», ребята, лишённые возможности видеть что-либо другое и желания воспринимать пусть и более значимое, но менее броское и субъективное, живут по тем моделям, которые им навязывают психопрограммисты.

Проходя мимо бомжа, замерзшего на морозной улице, милиционер с таинственным видом гуру общается своему менее сообразительному напарнику, притормозившему в размышлении: «Так должно быть по жизни».

— Как можно любить Белоруссию? — изумляется учительница, шествуя с коллегой по улицам подмосковного городка. — Там же только леса и болота, а когда муж попробовал наладить там дело... И вообще у них диктатура...

Переход. Педагогам — зелёный свет. Но — с неторопливой уверенностью прямо перед ними через «зебру» (то есть на красный) проследовала «десятка».

— Теперь понятно? — спрашивает спутник, вернувшийся из Минска. — Там, даже если бы красный горел для нас, он бы замер у перехода!

А здесь, в России, мы, прежде чем сделать шаг, даже на зелёный, должны оглянуться: требуется ли сначала кого пропустить, потому что одна человечья сила ничто в сравнении с сотнями лошадиных... — Подумал и добавил: «Белорусы выбрали диктатуру порядка, предоставив нам диктатуру лошадиных сил. И чем более они у тебя лошадиные, тем реальнее твоя диктатура».

— Так и должно быть: выживает сильнейший!

Так чему же учить в школе? Учить тому, что именно так и не должно быть. Только голос учителя окажется противопоставлен тем самым реалиям, где он будет одинок и где его не услышат. И всё же — учитель затем однажды избрал эту стезю, чтобы преодолевать. И преодолевать ему придётся много — объекты обозначил Ален Даллес в своей «доктрине» против СССР, написанной сразу после войны: *«Хамство и наглость, ложь и обман, пьянство и наркомания, животный страх друг перед другом и беззастенчивость, предательство, национализм и вражда народов...»* Учителю важно понимать, с чем он борется, чтобы спокойно принять бой, пусть Даллес оказался не только политиком, но и политтехнологом-провидцем, предсказания которого сбываются у нас на глазах, обозначая «грандиозную по своему масштабу трагедию гибели самого непокорного на земле народа», с которым беззащитно борется государство, эту доктрину реализующее. Что же касается «естественного отбора», то его мы проходим на стадии эмбрионов, а появившись на свет, человек вправе претендовать на жизнь, а не на отбор...

Ропот среди юношества, не желающего «прогибаться», приводит к взрыву экстремизма; идея патриотизма, ждущая грамотного педагогического воплощения, в очередной раз опережает педагогов и не находит поддержки в их среде. Подростки, с их конформностью в «своей» среде (мода, фенечки, сленг) и нетерпимостью (резистентностью) к «чужой», с жёсткой иерархизацией и шизогенными проявлениями формирующейся «я-концепции», пытаются любить страну, но не так, как отцы, да и не ту страну. Нарушена связь и преемственность, а значит, подростки оказались предоставленными законам стаи, у которой нет и не может быть оружия против ярких этикеток, громкой музыки и деструктивной риторики. Сегодня таскать автомат мечтают и девчонки: куда

до него клавиатуре хлипкого доцента, мастерку строителя, даже баранке дальнобойщика! А воспеваемая тяга девчат к службе в армии, с одной стороны, достойна слов Елены Степаненко: «С такими защитницами вы можете спать спокойно!», а с другой, — сродни апокалиптически-беспощадным образам мужчин с накладными ресницами, в юбках и туфлях на высоких каблуках-шпильках.

Вся страна затаив дыхание слушала, как ампутировали ноги солдату срочной службы Сычеву, который в результате дедовщины заработал гангрену. Это произошло в Челябинске. Десятки и сотни аналогичных случаев не становились достоянием гласности — бегущие из частей и кончающие с собой в попытке сохранить изрядно атрофировавшееся понятие чести солдаты словно не существовали. Но задумаемся: если 18-летние, научившись в казармах делить мир на самых близких друзей и самых беспощадных врагов, в последующей жизни будут держаться за одних и постараются забыть других, — их мир, столь резко разделённый, пересечёт незримая линия фронта. И «товарищ командир», истязавший «духа», едва ли будет вызывать к себе «товарищеское» отношение. Выходит, взаимоотношения мужчин в годы их личностного и полового становления программируются на «войну всех против всех»?

Но вооружение всех против всех — не идеал.

И агрессивность, преподносимая как единственно достойное, — тоже.

Нам, педагогам-воспитателям, пришло время понять, что и криминализация, и отношение к образованию и языку, и ликвидация национальных ценностей, и заросшие сорняками поля, и изобилие, не сулящее человеку ничего, кроме походов по врачам, — это троянский конь, даже если ему позолотили стремяна. Можно осознать, что демократия не наносится бомбовыми ударами, а свобода не распевает о себе под вопли саксофона. Что школа,

от которой отрекшиеся, так же страшна для страны, как и армия, из которой бегут.

Нынешние «хозяева» России, как и прошлые, не понимая и боясь, а часто и искренне ненавидя её, глубоко отчуждены от неё и подсознательно (а многие и вполне откровенно) отождествляют себя не с ней, а с развитыми странами Запада³.

Лишь подлец может смеяться над болью, лишь равнодушный — её не замечать.

Учитель — видит, чувствует, осознаёт, пытается помочь, забывая, что помощь нужна и ему самому. Просто он — учитель.

Жизнь страны — это его жизнь...

А иначе — наших детей будут увлекать за собой, с экранов и страниц книжек, «мужественные» убийцы, «честные» грабители, «умеющие жить» чиновники, растаскивающие то, что ещё можно унести. Сколько душ и судеб искалечили они, сколько нравственных уродов сформировала их речь, настоящая на жаргоне и мате! Да и что делать учителю, если ребятам в качестве наставника предлагают не его, а «более успешных» уголовников, которые учат жить, взаимодействовать, говорить? Учитель сейчас — «вопреки», если подвиг называет подвигом, а измену — изменой. Он «вопреки», если учит говорить на языке страны, многократно оскорбившей его.

Вот они — черты и причины речевого погрома, творящегося вокруг, при самой активной нашей поддержке: ещё бы, ведь атрибуты этого погрома — стремительные иномарки, сверкающие рекламы, приветливо распахивающиеся стеклянные двери бутиков.

Сравните: почерневшие домны, убогие в своей монументальности фабричные

³ Делягин М. Возмездие на пороге... М.: Новости, 2007. С. 81

казармы, колбаса, которой вечно нет, и одежда, которую нельзя носить.

Но ведь яркие этикетки — это лишь...

Как бы то ни было, но их отсутствие, вместе с джинсами и колбасой, стоило нам страны. А отсутствие в языке слов, эти «этикетки» обозначающих, может сегодня стоить и русского языка. Так что его сохранение — историческая роль... англицизмов, то есть тех слов, которые обозначают понятия, пришедшие в нашу жизнь с технологическим прорывом, совершившимся во всём мире, и прежде всего — в англоговорящих странах! Эти новые слова засоряют русскую речь, но страна должна переболеть недугами кризисов и националистических вывертов, когда «Аполлон Бельведерский хуже печного горшка» (Н.А. Некрасов), а матрешка и канонизацией чуть ли не Ивана Грозного пытаются заткнуть дырку в нашем настоящем. Это — пройдёт, и торопить процесс опасно, как опасно было предлагать в своё время политинформацию вместо джинсов.

Но опять сравните: гламурная обительница первого кресла в «тойоте» — и пожелтевшая от бессонниц и безденежья училка. Помните песенное: «Старый наш учитель...», «Учительница старая моя» («первая» — в другом куплете), «И вновь — назад, и вновь ему с утра...»? — Раскаты отдалённой грозы, приобретшей черты вакханалии, слышались уже в те годы, когда самые популярные песни навязывали убого-безысходный образ школьного учителя. «Он же становился всё белей...» — Привлечёт ли такая перспектива тех, кому самой жизнью предназначено «лететь путями звёздными» и плыть «морями грозными»?! Сегодня, в эпоху других песен, герою которых — «парнишке в модной кепке», коему спутница из другой песни признаётся: «Мой мармеладный, я не права», — сегодня образу учителя на эстраде места нет.

Однако посмотрим вокруг: молодые цветы улыбаются солнцу, новые песни звучат над страной. Так и должно быть. И нельзя сетовать на новое поколение за то, что оно — новое. У него — свои песни, оно не хочет греться под лучами чужого солнца. Но сегодня, когда каждого, кто видит, кто мыслит, чьё лицо сегодня не стало насколько безмысленным, чтобы

украшать рекламу, — поставили, по словам Даллеса, «в беспомощное положение, превратив в посмешище», — важно понять, что происходит в России, которую мы, опьяненные собственной жестокой фантазией, чуть не объявили «нашей». Это в ней ребяташки, игравшие в Тимура и «войнушку», теперь мечтают о карьере тюремных сидельцев, чтобы, выйдя на свободу после этого своеобразного «университета», обрести сказочную власть и право «высшего суда». Только...

Урки — не Робины Гуды! Когда нужно воровать у доходяг, — они воруют у доходяг. Когда нужно с замерзающего снять последние портянки, — они не брезгуют и ими. Их великий лозунг — «умри ты сегодня, а я завтра!»

Солженицын говорит о «социально близких», в которых явственно проглядывают черты нынешних «мужиков» в законе — матерящихся, серьёзно пытающихся «державу поднять» усиленным потреблением пива. В фильме «Сволочи» (о том, как из малолетних преступников под видом «сынов полка» делали диверсантов-смертников) начальник наставляет собравшихся педагогов-военных: «Не ждите ни страха, ни уважения, и постарайтесь не поворачиваться к ним спиной». Это — об уголовниках, в то время как Солженицын сожалеет о политических.

В те же времена, когда большинству был предоставлен вполне демократический выбор между тюрьмой и сумой, а «братки» ещё не сменили романтических кожаных курток на прозаические смокинги, — как-то незаметно на учёных конференциях стали «наезжать», «базарить», студенты принялись «тусоваться» и «отрываться», кто попроще — с упоением: «Слава России!», переходящим в «Хайль Гитлер!», — зарабатывать белые шнурки на махаках и разного рода мочиловках. Когда же содержимое кожаных курток перетекло за тонирован-

ные стёкла лимузинов, когда обнаружили, что всё вокруг уже кто-то кому-то продал, а почти через полтора года после отмены крепостного права, без кавычек стали рассуждать о том, сколько стоит футболист, а сколько — учитель, — говорить на языке, свободном от брани и сленга, означало плыть против течения.

Предшественники «братков» описаны Достоевским и Чеховым, упоминаются они у Гроссмана и Виктора Некрасова. Но это совершенно иные люди, не претендовавшие на звание законодателей и атрибуты наиболее обеспеченного социального слоя! И сегодняшние «базары», «мочилочки», «наезды», разного рода «извращённые формы», определяющие жизнь уже подростков-школьников — прямое следствие заигрываний с «социально близкими». В нынешнем мире «зона» стала верховным арбитром, главным определителем, законодателем — и перспективой «жизненной школы» для избранных. Правда, этих «избранных» больше, чем во всём Союзе было, — но там они не чувствовали «зону» преддверьем элитарных клубов, не осознавали себя объектом зависти и преклонения со стороны пишущих, поющих, принимающих законы, да и просто — говорящих на из языке, фильтрующих базары (или не фильтрующих) и *рассекающих на прибацанных тачарах за бухлом, чтобы удринчиться в умат. А если менжа накатит, — следовало держать веник и не стремиться, а то полный раздолбняк — хоть кинуться: ни упаковаться, ни бабок настругать!*

Очередной рекламный постер у дороги. Призыв строить коттеджи в «заповедной», то есть запретной, гавани! Очередной спорткар. У заднего стекла — подобием номера — надпись: «Malina». Очередная передача по радио. Хрипло-гнусавая песня про «ментовских сук» и отважных урок. Вспомним Солженицына: урки — это только урки. Подражание им — развал, хаос и одичание. И в России продолжается суицидальный угар, когда заимствуют их субкультуру, копируют их манеры, атрибуты и речь на всех

уровнях. Не может государство «базарить по понятиям» и жить по законам «малины». А её законы фокусируются в рекламных признаниях: «Я всегда поступаю по-своему» (модификация тюремного: «Всё для меня, ничего — от меня!»), «Танки грязи не боятся!» (вариант блатного: «Тебя не трогают — и ты не лезь!»). Её, «малины», речь разъедает русский язык, уничтожая последние остатки некогда большой и могучей культуры.

Истоки сегодняшних «блатных напевов», слушать которые с девяностых была обречена вся Россия (аргумент прежний: «Танки грязи не боятся!»), ясны. Но как быть с социальной поддержкой? — Ведь речь «непопулярных» слоёв населения никогда не стала бы всеобщей стихией. О факторах этой поддержки размышляют известные люди. Музыкант: «...Почему, когда ворюги-олигархи проносятся на своих джипах и лимузинах с охраной, милиция вытягивается в струнку?» (АиФ. 2006. № 12). Государственный служащий: «Роман Аркадьевич ежегодно недоплачивал в казну 14 млрд. рублей, часть из них давал Чукотке, другую клал себе в карман» (АиФ. 2006. № 29).

Перечень можно продолжать, но не следует торопиться ставить знак равенства между олигархами и мелкоуголовной шпаной, чей жаргон представляет сегодня серьёзнейшую угрозу русскому языку и русской нации. Этот знак, неумолимо объединяющий разные, казалось бы, понятия, — напращивается между другими вещами. Между матом, на котором стало популярно не ругаться, а говорить (вспомним песенное: «Я знаю три слова, три матерных слова!»), — и раскуроченными лифтами, изломанными сиденьями, пустыми урнами, торчащими среди мусорных куч. Между блатной речевой разухабистостью — и иномарками, припаркованными прямо на тротуаре, куда не может подойти автобус. Между рекламным «Я всегда поступаю по-своему!» — и камнем, от которого брызгами разлетаются стёкла в электричке. Между «Это не грязь, это загар!» —

и потоками уголовной черноты, исторгающейся на наши головы с эстрады и по радио, со страниц гляцевых журналов и по телеканалам. Знак равенства настало время ставить между той речевой стихией, с которой мы уже почти не пытаемся бороться, и тем состоянием, в каком оказалась наша страна, о чьём величии и могуществе мы снова заговорили, пытаясь выбраться из тупика, куда привело заигрывание с «братками».

Эволюционирует страна. Меняется человек. Минувшие годы принесли и по-настоящему долгожданное обретения. Стали строить новые школы: с бассейнами, с «качалками» (то есть тренажёрными залами), по индивидуальным проектам (сверкающее стекло прозрачных стен и потолков, башни-донжоны обсерваторий), начали возвращаться к пониманию того, что без учителя страна совсем одичает. Учитель сегодня, если предоставить ему надлежащие условия, способен спасти и русский язык, и Россию, удержать от мрака и хаоса. Выветрить аромат тюремной камеры, который так долго шёл и от хриплого шансона, и от криминальной приклатности, отличающей ситуацию безвременья. Способен. И выветрит, — как только молодёжь не будет видеть в педвузе воплощение ночных кошмаров, а для этого надо поработать всем.

Россия, искавшая пути эти годы, пытавшаяся вслепую нащупать наиболее верный из них, стремительно эволюционировала. Появились новые идеалы, изменились представления о прекрасном и по-настоящему ценном. Но поиск, который ни к каким находкам пока не привёл, накрыл русскую речь тяжкой волной

нецензурной брани, угаром уголовно-блатного арго, и многое становится понятным, если учесть, что наша речь — отражение жизни, процессов, в ней происходящих. Отражение эволюции. Мы неизменно «хотим, как лучше...». Искали дорогу к храму — и пришли к борделю. Гордились русской духовностью — теперь ищем, кому бы выгоднее втюхать рублище, от неё оставшееся. Мечтали заговорить на языке, свободном от «пролёткультовских» напластований, — и не сразу осознали, как от нашего «новояза» пошёл острый запах параша. И когда размышляем об этом анабиозе (а в нём за полтора десятка лет оказалась педагогика, которой пытались запретить воспитание), — всё чаще ищем те воспитательные приоритеты, что способны нас самих заставить расправить плечи, поднять голову, вспомнить про разумное, доброе и вечное. Натякаемся на очередное «Какая осень в лагерях!», распеваемое отнюдь не пионерами, — и понимаем, что силы на исходе. Но нам не позволено впадать в уныние. Даже — на краю. За нами должны идти, наши слова — слушать, наши песни — петь. **В.Ш**

**Высокая гора не виновата
в слабости того,
кто неудачно пытается
её одолеть.**

От редактора